

МУРЗИЛКА

июнь № 6

1972

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

УЧИТЕЛЬ — ДЕТЯМ

Имя автора этих рассказов, Василия Александровича Сухомлинского, ты не в первый раз видишь на страницах нашего журнала. И в этом году, и в прошедшем 1971-м мы печатали его сказки и рассказы.

Василий Александрович был учителем. Он очень любил детей, и дети отвечали ему преданной любовью. Он был добр к людям и строг к себе. И в питомцах своих он воспитывал доброту и сердечную чуткость, мужество и гражданственность.

Свои мысли о воспитании, свой тридцатипятилетний опыт Сухомлинский отразил в педагогических сочинениях. А чувства и сердце своё отдал вам, маленьким ребятишкам.

Он сочинял свои первые сказки вместе с детьми в прекрасной «Школе под голубым небом».

«Каждый вечер, — писал Василий Александрович в нашем журнале, — когда на голубом небе вспыхивает первая звёздочка, ко мне приходят дети... Умолкает село, засыпает степь... Весь мир вокруг нас спит, только звёздочка в небе мерцает да кузнецик поёт.

Это и есть наша Школа под голубым небом. В эти дивные летние вечера мы становимся поэтами. Мы слагаем сказки... Кто их автор? Это и чудная украинская ночь, и несколько поколений маленьких детей, и я...»

Василий Александрович умер. Но продолжают жить его рассказы, сказки.

Рис. В. ЛОСИНА

Василий Александрович со своей ученицей.

ХОЧУ СКАЗАТЬ СВОЁ СЛОВО

Катерина Ивановна повела своих малышей-первоклассников в поле. Было тихое утро ранней осени. Далеко в небе летела стая перелётных птиц. Птицы тихо курлыкали, и от этого в степи было грустно.

Катерина Ивановна сказала детям:

— Сегодня мы будем составлять сочинение об осеннем небе, о перелётных птицах. Каждый из вас пусть скажет, какое сейчас небо. Смотрите, дети, внимательно. Выбирайте в родном языке красивые, точные слова.

Дети притихли. Они смотрели на небо и думали. Через минуту слышались первые сочинения.

— Небо синее-синее... Небо голубое... Небо чистое... Небо лазурное...

И всё. Дети снова и снова повторяли те же слова: синее, голубое, лазурное, чистое...

В сторонке стояла маленькая Валя.

— А ты почему молчишь, Валя?

— Я хочу сказать своё слово.

— Какое же твоё слово о небе?

— Небо ласковое... — тихо сказала Валя и улыбнулась.

Дети притихли. И в это мгновение они увидели то, чего не видели до сих пор.

— Небо грустное... Небо тревожное... Небо печальное... Небо студёное...

Небо играло, трепетало, дышало, как живое существо, и дети смотрели в его грустные синие-синие осенние глаза.

Я НЕ БОЮСЬ ГРОМА

Был жаркий июньский день. Пятиклассники пошли на целый день в лес.

Весело было в лесу. Дети играли, читали интересную книгу, варили кашу.

К вечеру из-за леса набежали чёрные тучи, загремел гром. От дождя дети кинулись в шалаш к пастухам. Витя тоже намеревался побежать. Но вдруг сверкнула молния и раздался такой оглушительный грохот, что Витя от испуга присел под большим дубом, закрыл глаза и чуть не расплакался. Он уже открыл рот, чтобы закричать, призывая на помощь, но увидел рядом, по другую сторону дуба, одноклассницу Валу.

— Это ты, Витя? Ой, как хорошо, что я не одна! Теперь мне не страшно.

Витя перевёл дыхание, оглянулся. Лес утонул в струях дождя. Сверкнула молния, озаряя на мгновение синим светом деревья и кусты. Лес шумел, стонал. Вите казалось, что в мире нет никого, кроме него и Вали.

Он почувствовал, как в его душе в эти мгновения что-то выпрямилось. Ему стало стыдно бояться. Разве можно бояться, когда рядом девочка и ты отвечаешь за неё?

— Не бойся, Валя, — сказал Витя. — Я не боюсь ни грома, ни молнии.

Витя прикоснулся рукой к её белой косе. Теперь он уже совсем ничего не боялся.

КАК НАТАША У ЛИСЫ ХИТРИНКУ КУПИЛА

Пришла Лиса на базар, принесла полную корзину какого-то товару, закрытую белым полотенцем. Дело было зимой, стала Лиса в ряд, подняла пушистый воротник, поставила корзинку на стол, открыла — и увидели люди: корзина полна хитринками.

Шла мимо базара ученица Наташа. Увидела — Лиса хитринки продаёт. Подошла и выбрала себе хитринку: маленькая деревянная девочка приложила руку к голове, скривилась и жалобно пищит: „Ой, голова болит!“

Купила Наташа хитринку, принесла домой. Надо готовить уроки, но не хочется.

— У меня голова болит, — жалуется Наташа маме, — не буду уроки делать.

— Хорошо, полежи, Наташенька.

Прилегла Наташа на кроватку и сразу же забыла о головной боли, говорит маме:

— Мама, я пойду покатаюсь на коньках.

— Но у тебя же голова болит, — удивилась мама.

Наташа покраснела от стыда.

„Отнесу на базар хитринку, отдам Лисе, не надо мне её хитростей“, — решила Наташа.

Сунула руку в карман, где лежала маленькая деревянная девочка, а девочки нет.

„Куда же она делась?“ — думала Наташа. Так и не могла девочка сообразить, куда девалась хитринка. Рассказала Наташа обо всём маме. Мама и говорит:

— Испугалась тебя хитринка. Не любит она совести.

— А где же моя совесть? В чём она?

— В том, что тебе стало стыдно.

ВОРОБЫШЕК И ОГОНЬ

Старая Воробьяха разрешила наконец вылететь своему маленькому сынишке из гнезда. Обрадовался Воробышек, вылетел, порхает да всё у матери спрашивает: „А это что? А это что такое?“

Объяснила ему мать, что такое земля, трава, деревья, куры, гуси, пруд. Но вот Воробышек увидел в небе огромный огненный шар и спрашивает у матери:

— А что это такое?

— Это солнце, — отвечает Воробьяха.

— А что такое солнце?

— Ну зачем тебе это знать? — ворчливо отвечает мудрая Воробьяха. — Это огонь.

— Но мне хочется знать, что такое огонь, — зачирикал Воробышек и полетел всё вверх и вверх, всё к солнцу и к солнцу. Летел он до тех пор, пока не обжёг тоненькие пёрышки своих крылышек. Испугавшись, он возвратился. Мать ждала его ни живая ни мёртвая.

— Ну теперь я знаю, что такое огонь, — сказал Воробышек.

— Ребята! Слыхали ли вы об Эльбрусе и Казбеке, высоких и красивых горах, вершины которых всегда, и зимой и летом, покрыты снегом? А о быстрых горных реках — Арагви и Куре? А о Тереке? О Дарьяльском ущелье? Наверно, слышали. Потому что и эти горы, и эти реки, и это ущелье воспеты в стихотворениях Пушкина и Лермонтова.

Думаю, что знаете вы и о прекрасном городе Тбилиси — столице Грузинской Советской Социалистической Республики. Это моя родина. Там я живу. А зовут меня Дареджан. Я куколка, нарядная, красивая, с длинными чёрными косами, как у многих девочек в Грузии. Девочки меня любят, им весело со мной играть.

ГРУЗИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВОЛЧЬЯ СЧИТАЛКА

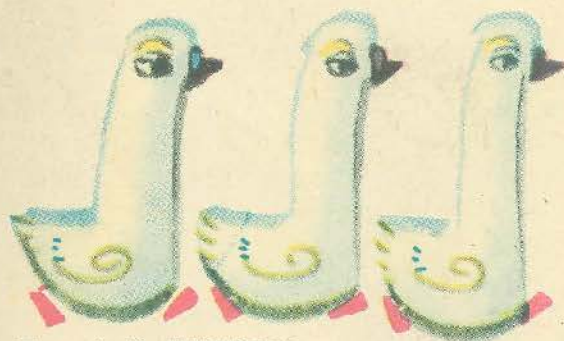
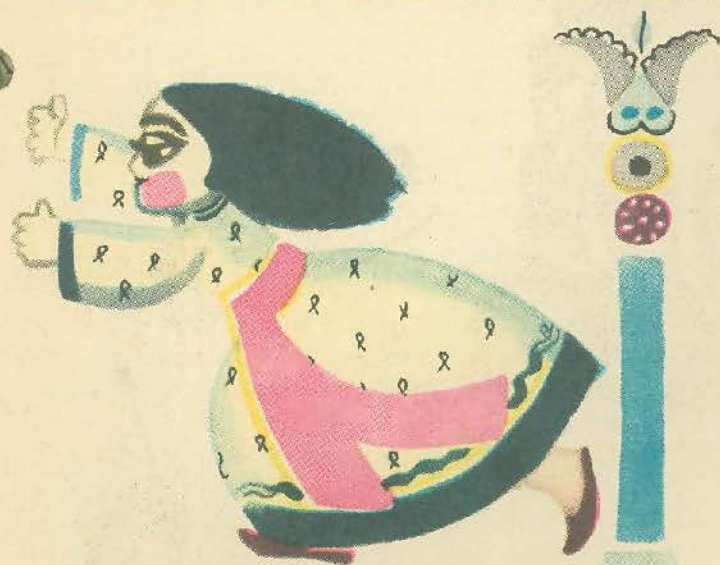
Волчья стая в поле мчится.
Говорит волкам волчица:
«Волки, слушайте меня!
Волки, скушайте коня!
Подберёмся втихомолку,
Цап за гриву,
Прыг на холку.
Если рядом никого,
То не страшно ничего.
Ну, хозяин бестолковый,
Делай ножик из подковы,
Делай сито из волос,
Не забудь продать овёс!»

Кошка бредёт по дорожке.
Трудно ступать хромоножке.
Сыр утащила внучка.
Взбучка досталась кошке.

Дочке платье праздничное справили.
Барышню с обновкою поздравили.
«Замуж выдают!» — решила дочка.
А её гусей пасти отправили.

Перевёл В. БЕРЕСТОВ

Лето милое, где ты?
Буду ходить раздетый.
Постель во дворе постелем.
Где ты, милое лето?

Рис. Л. ТОКМАКОВА

ЩУРОК- ШВЫРОК

Виктор АСТАФЬЕВ

После недолгой, но широкой ростепели, съевшей снег по берегам, подплавившей лёд на озере Кубенском, похолодало; чистое и заголубевшее небо снова облохматилось, приспустилось над лесом и потекло, сея белую шуршащую крупу. Опять наступил ледозвон, закраинки озера засыпало крупкою, припорошило снежком.

И всё-таки весна не загасла совсем, угадать и увидеть её ещё можно было. Лёд на озере в пятнах, снег, забивший щели, выбоины и следы чело­вечьи, светил неослепно; хоть и слабенько, едва ощутимо, всё же пахло берёзовыми почками, на припёке взявшимися клейковиной.

А главное — живность пришла в движение и не соглашалась с зазимком.

На рассвете урчали возле берега, прыгали, разминаясь перед главными схватками, косачи; пробовал жаворопок потрясти колокольчик в высоте, да без солнца ему было неуютно в небе, он пел тише, реже и, не выдержав одиночества, стреканул к берегу, в тёплые елушники; вороны слетались к рыбачьим лункам — собирать ершей и, ловко их разворачивая — головой на ход, заглатывали. От мёрзлых колючек, царапающих горло, у ворон подрагивали хвосты. Проглотив ерша, вороны кричали, будто мужики после крепкой чарки, и прислушивались к себе, мысленно провожая ерша во чрев — не зацепится ли где, бродяга?

Весёлого права собачонка Гайка, ничья собачонка, тоже промышляющая ершей на льду, азартно гоняла ворон от лунок, но скоро утомилась, пошла от рыбаков рысцой. Сперва Гайка оглядывалась, виновато повиливая хвостом; совалась носом в старые заячьи следы, как бы распутывая их и охотясь, но потом отбросила всякий стыд и предательскихватила во весь дух к деревушке, дымящей за прибрежным леском.

Лиса выходила из кустов, нюхала воздух, задумала уж было на лёд спуститься, но тут же повернула и, не оставляя следа, легко потрусила по шелушащемуся насту в лес, откуда фыркнул рябчик и, ровно выстреленный, панически вереща, пролетел пудей над ложком, вонзился в низкие ольховники, дымчато струящиеся рыхлой серёжкой. Лиса, задрав морду, поглядела рябчику вслед и облизнулась.

Рыба клевала редко и вяло. Самос время наблюдать было природу и радоваться её весеннему натиску, вроде бы как иссякшему. Однако природа исподволь набиралась новых сил, а шаг её на месте был краткой отсрочкой перед броском и штурмом — рухнут тогда зимние тверди; каждая земная щёлочка и бочажинка наполнятся снеговницей, она перельётся через край — и ударят из логов ручьи, покажутся к озеру, с пеной, звоном и говором на губах. Лёд на озере выгнется шершаво горбиной, чайки явятся, начнут биться с воронами из-за ершей, жаворонки, чибисы, кулички, а потом утки, лебеди и гуси навелят нас. Шумно будет, радостно, рыба станет ходить стайно, брать жадно, рвать лески, уносить крючки и блёсны...

А пока вся мне радость — глядеть на щурков. Есть такая птичка, вроде бы и невеличка, поменьше скворца, побольше снегиря, очень работающая, добрая и бесстрашная птичка.

В середине марта, как только пронутся в наших лесах всякие мелкие паразиты: клещи, лесные блохи, стрекачи, тля разная пойдёт на свет, — щурки уж тут как тут.

Слетела с лесов, начала тучами опадать на лёд чёрная мушка с двумя коротенькими слюдяными крылышками. В лужах и в лунках её кружит, под лёд её затягивает — рыбам на радость, а она всё темней и темней насаждает на всё живое.

Но вон на солнышке сверкнула пригоршня искр, рассыпалась, зарыбила и вдруг погасла — это щурки табунком летели и на лёд упали, кругленькие, деловитые. От темна и до темна они работают: склёвывают тлю. На головку щурка тёмная ермолашка

надета, зоб и грудь красным вымазаны, по туловищу полоски, как оглобельки, лапки багровенькие, быстрые, подгузок и подкрылок беленькие — оттого и сверкает щурок на солнышке, а у самочек в хвосте пёрышки рябы, на спинке пепельно и дымчато.

Красивые птички!..

Зазимок щурку, как и человеку, радости не приносит. Тлю и мошку всякую снегом заметает. Вот и мечутся щурки по озеру в поисках корма, чирикают озабоченно, бегают по льду быстро и неслышно. В кормное время и в других местах щурки питаются лесной пищей: почками, перезимовавшими ягодами брусники, а потом семечками трав и цветов, но сейчас ещё снег в лесах и студёно на севере. Сейчас тля — самая им доступная пища.

Кто-то из рыбаков оставил на льду полбуханки чёрствого хлеба. Два дня щурки долбили этот хлеб, соблюдая очередность, и выбрали нутро буханки.

Я сижу неподалёку от щурков, помалкиваю удочкой с блёсною. Щуркам я внушаю страх. Прежде чем залезть в буханку, они топчутся подле, ищут

крошки на снегу и вдруг, с отчаянием пискнув, бросаются вовнутрь буханки, которая кажется им, наверное, огромной мрачной пещерою, а тут ещё маячит сзади человек в лохматой шапке, в шубе и с палкою в руках! Страсти-то какие, а есть охота!..

Заскочит щурок, ткнёт раз-другой клювом — и скорее наружу, а вместо него уж другой харчиться спешит. Которые щурки слабее духом, сверху на буханку садятся, пытаются по мёрзлой корке долбить, да не берёт корку птичий клюв.

Сотен до двух щурков собиралось возле буханки, и в конце концов они осмелели до того, что на меня перестали обращать внимание. Они лезли в буханку, шевелили её, ссорились, и до того у них дело дошло, что птички вместе с булкой опрокидываться начали. Опрокинувшись, щурки с криком выкатывались наружу и запыленно разлетались по сторонам.

«Так дело не пойдёт!»

Я поднялся от лунки и разломал хлеб на кусочки. То-то радостная работа тут поднялась, то-то хлопот было и веселья!

Я и рыбачить забыл, сижу глазею. Слышу шаги. Рыбак идёт по озеру Кубенскому, лыжами шаркает. Подошёл, на пешню грудью опёрся — рожа красная, изветренная, глаза похмельные. На Кубенском озере есть такая разновидность рыбаков — больше бродят и болтают, чем рыбачат. Нос у рыбака короткий, будто у шурка. Стоит смотрит на птичек, как они питаются, сил набираются.

— Ишь жрут как! Им ещё далеко лететь, — сказал рыбак, зевая, — нашей местности птица. Я с Печоры родом, — пояснил он, — мы этих птичек силками имам и едим, жирны потому што...

«Имам и едим! — передразнил я краснорожего рыбака. — Тебя бы самого имать да есть, небось не поглянулось бы!..»

Доклевали шурки буханку, а не улетают, всё бегают по снегу, крошки ищут. И тогда я достал из рыбацкого ящика свой хлеб, искрошил его на лёд, но искрошил к себе поближе.

Переживаний-то у шурков сколько было! Бегают, кружат возле меня и лунки, иной шурок изловчится и отлетевшую крошку схватит, да и бежать, а остальные птички первичают, на меня поглядывают: «Что, мол, ты, дядя, задумал? Подманиваешь, да? «Имать» нас будешь, а?..»

Я старался «не замечать», как шурки орудуют возле лунки, — и они меня тоже замечать перестали. Один настолько осмелел, что по валенку меня тюкнул — чешуинка от рыбы к нему пристала, а он думал — крошечка. Я тихонько засмеялся, шурок в сторону отпрыгнул, голову вбок повернул, глядит умным глазком и шейкой тревожно подёргивает: «Ох, ох, дядя, хороший ты, видать, человек, а всё же боюсь я тебя...»

Назавтра зазимок кончился, солнце объявилось, снег обмяк — поплыл под ногами, лёд чешуиться начал; над озе-

ром жаворонок запел, тля опять тучами на лёд посыпалась — и забыли про меня шурки, летают, бегают, весело кормятся перед дальней дорогой.

Один только раз прилетела ко мне стайка шурков, крошек маленько поклевала, но тут же снялась, сверкнула на солнце искорками. Толстелький шурок, молодой ещё, беззаботный, бегал возле моих ног, за ящиком копошился, чирикал: видишь вот, возле тебя, мол, бегаю и не боюсь.

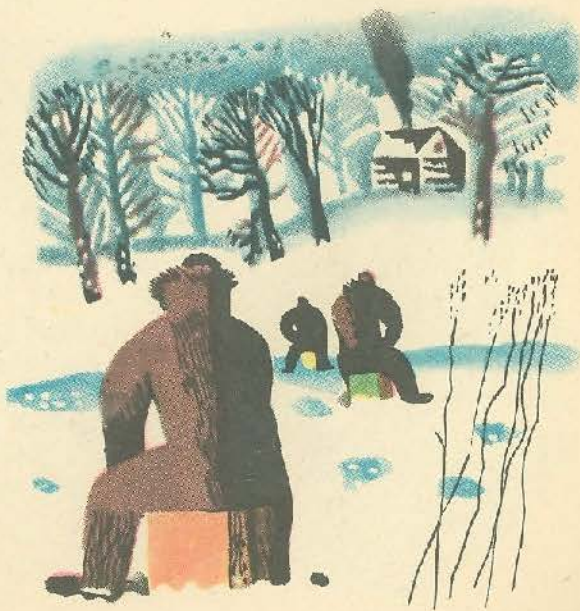
Но вдруг глянул молодец, а стайки-то родной и нету! Забил он крыльями, запищал: куда же вы, дескать, братцы? Как же я без вас-то?

Я проводил взглядом нарядную птичку, в полёте стремительную, в жизни — хлопотунью, и как-то сама собою возникла во мне песенка:

Ты, шурок-швырок,
Изукрашенный лобок!
Изукрашенный лобок,
Распуховенький бок!

Прилетай, шурок-швырок,
К нам на бел бережок.
На том бел бережку
Расклюй заберёжку...

Рис. Н. ВОРОНКОВА

В КАЗАХСТАНЕ

Геннадий СНЕГИРЁВ

Я люблю ездить на поезде. На поезде можно поехать во все концы нашей страны. Поезд мчится и в пустыне, и в тундре, и к берегам морей, и в тайгу можно приехать на поезде.

Эти рассказы про то, что можно увидеть в разных краях из окна вагона.

Рис. П. БАГИНА

Вот Казахстан. Вечером смотришь в окно — степь и утром степь — ровная как стол. Жарко. Даже трава выгорела, и степь чёрная, только в низинах зеленеют травы. Здесь пасут овец. Большое стадо, а пастух один. Нет, не один.

А собака? Она большая и лохматая, собирает овец в стадо, следит, чтобы ягнята не отстали, а волки загрызут.

Ночью далеко в степи виден огонёк. Это пастух собрал овец в загон, спит у костра, а собака спит — вглядывается в темноту, нюхает воздух, сторожит овец.

БЕЛОРУССИЯ

Мы ехали из Белоруссии и видели, как летят журавли высоко над лесами.

Поезд остановился на разъезде, рядом с товарными вагонами. Я выбежал и стал рвать цветы, а поезд всё стоял. Я рвал цветы, а какой-то мальчик ломал осиновые ветки. Я спросил его, зачем он их ломает. Мальчик рассказал, что они с отцом везут в товарном вагоне белорусских бобров в Сибирь и там выпускают на таёжной речке, чтоб они прижились.

Бобры грызут осиновые ветки.

Тут наш паровоз загудел, и я вскочил в вагон.

Бобров я так и не увидел, потому что они делятся в клетках, а ночью едят и купаются в корытах.

Поезд с бобрами специально остановился в лесу, чтобы запасти корм и свежую воду.

К ВЛАДИВОСТОКУ

Наш поезд подъезжал к Владивостоку. Я стоял у окна и смотрел на сопки. Вдруг сопки кончились, и я увидел Амурский залив.

Вода в заливе была зелёная, океанская.

Далеко-далеко качались на волнах рыбацкие суда. Над ними с криком кружились чайки.

Поезд мчался по самому берегу. Я высунулся в окно. Пахло морем, тут я увидел белое облачко над волнами, потом опять облачко-фонтан.

Солнце слепило, но я сразу понял, что это кит пускает фонтан из ноздри. И мне захотелось поскорее приехать во Владивосток.

В ЗАКАВКАЗЬЕ

Поезд едет в Ленкорань. Зимой там тепло.

Рисовые поля залиты водой. Вода ярко блестит на солнце.

В полях стоят белые цапли и лежат буйволы.

Поезд едет у самой воды. Море здесь совсем мелкое. Вот как далеко от берега рыбаки ставят сети, а вода им только до пояса.

Вечером рыбаки будут варить уху из кутума.

Это большая рыба, очень вкусная. Когда мы привезли домой твёрдого солёного кутума, то завернули его в мокрую бумагу и положили в духовку. Кутум стал мягкий, и мы его съели.

Азербайджанцы говорят: «Кто поест кутума, тот вернётся в Азербайджан!»

Когда-нибудь я поеду ещё раз к тёплому морю.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

*Из русской народной
сказки*

Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

Ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать...

Приехал в лес:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

Топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие деревья, а дровишки сами в сани валятся и верёвкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

— По щучьему веленью,

По моему хотенью —

Катитесь, сани, домой сами...

Литография Ник. ПОПОВА

ЛЕНИЮ, ПО МОЕМУ ХОТЕНИЮ, КАТИТЕСЬ САНИ ДОМОЙ САМИ»

Юрий КОРИНЕЦ

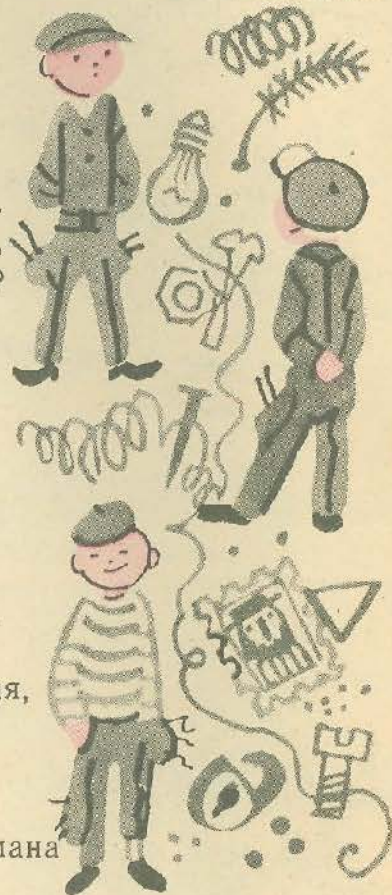
Рис. Ю. МОЛОКАНОВА

а б в

Присели на траве,
На лугу раздольном
С мячом своим футбольным.
Кто эта тройка неразлучная,
В команде нашей наилучшая?
В девятку забивает гол
Арвид, Боря и Вукол!

г д е

Это значит ГДЕ?
Где гвоздь, скучая по доске,
Живёт от братьев вдалеке?
Где, долгий век свой доживая,
Скучают марки Уругвая,
Ослепшие от темноты,
И с ними гайки и болты?
Все дремлют в глубине кармана
У Гоги, Димы, Еруслана!

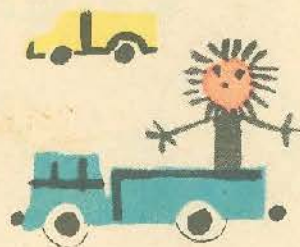
Ж З И

Железный звук,
Мощный шум машины!
Корпус — бабушкин сундук,
Стул — взамен кабины...
Кто этот мощный вездеход
По всем ухабам проведёт
Умело и легко?
Жума, Захар и Илико!

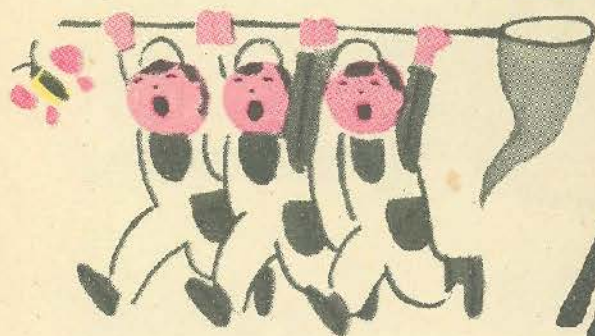
К Л М

Километраж
Во всю длину квартиры:
Давно ракетный поезд наш
Летит в созвездье Лиры!
Кто это, ловок и бывал,
С Земли далёкой стартовал?
Кто вывел к звёздам караван?
Ким, Леонид и Милован!

н о п

Три близнеца
В саду играют без конца!
Этой троице весёлой
Далеко ещё до школы,
И пока
Их главный труд
В том,
Что мальчики
Растут!
Растут на зависть небесам
Нодар, Олег, Парсам!

р с т

Ракетчики,
Сапёры и
Танкисты:
Бесстрашно бьют они врага,
Бегут от них фашисты...
Но я открою вам секрет:
Здесь никаких фашистов нет!
Идёт военная игра,
Солдаты — наша детвора.
И здесь не надобно
Имён,
Как говорят — их легион!

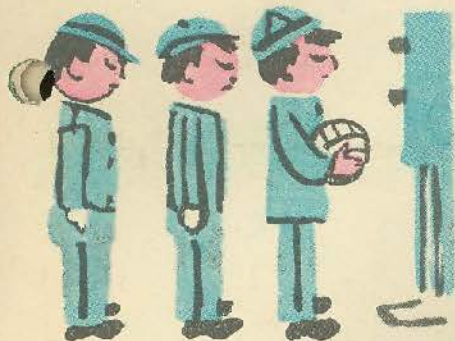
у ф х

Ха-ха-ха!
Мальчишка гриву отрастил,
Зарос, как дикобраз.
Но вдруг постригся —
В первый раз! —
И я его простил:
Он в парикмахерской сидит,

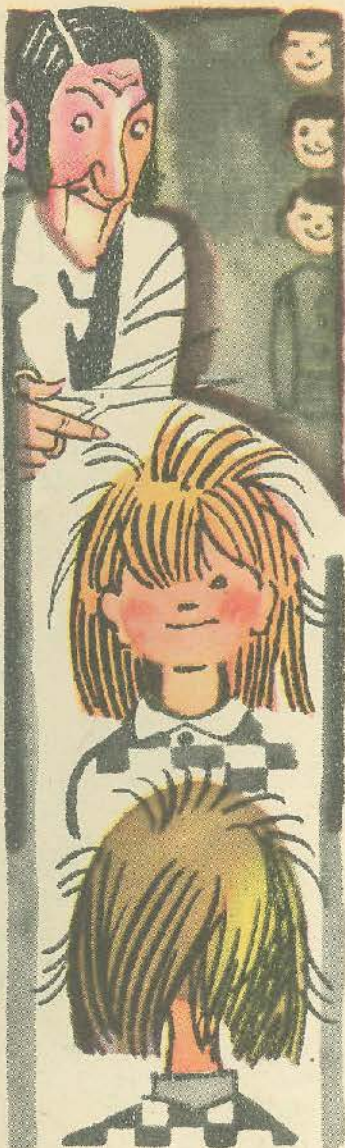
Принявши облик человека,
И гордо в зеркало глядит,
Как подобает сыну века.
А кто его сюда привёл?
Умар, Фома, Хорун-оол!

ц ч ш

Ни гроша
Не стоит тот мальчишка,
Кто лгун и хвастунишка.

А эти трое, посмотри:
Стекло мячом разбили,
Втроём к родителям пришли
И честно заявили...
И совесть у ребят чиста!
Их звать
Цырен, Чимит, Шота!

щ ъ (твёрдый знак).

Это все мы:
Петро, Будимир,
Галзан, Велимир,
Зураб, Исмаил,
Димитрий, Ермил,
Касьян да Савелий,
Да Женя (Евгений),
Мартын, Ашот, Лука
(Как тянется строка!),
Рафик да Самсон,
Тигран, Харитон,
Устин, Фрол, Чеслав,
Эркин, Ярослав,
А вот и Юрий (Коринец) —
Себя я вставил под конец.

Теперь ты эти имена
Перепиши в тетрадку:
Перечитай от А до Я,
Расставь их по порядку —
Это мальчиков семья:

ь (мягкий знак)

да Э Ю Я!

ПРО-
ПУСТИТЬ
ХОД

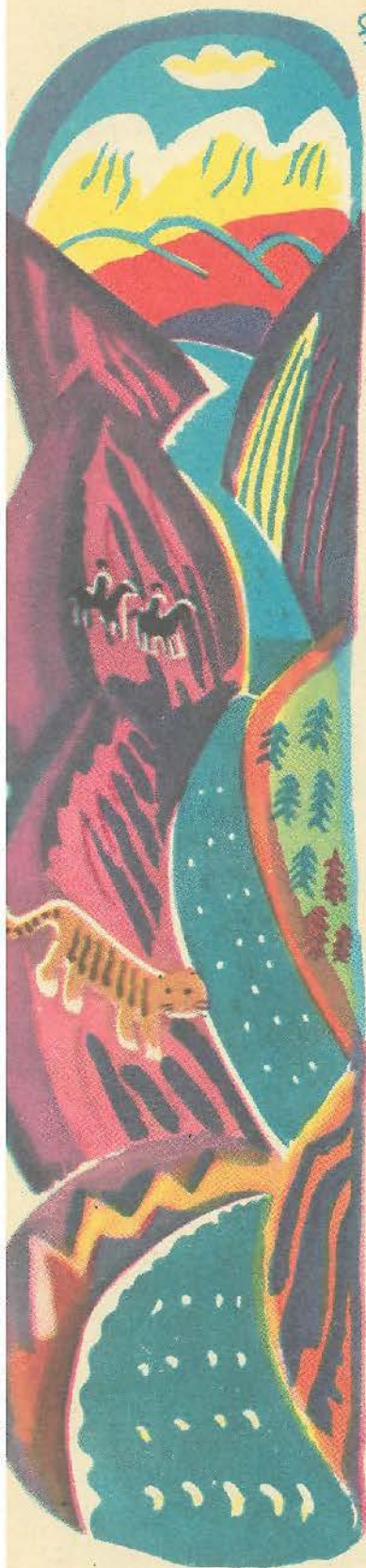
Рис. А. СЕМЁНОВА

НАЧАЛО
ИГРЫ

В стране сказок

Здесь нарисована игра «В стране сказок». Кубик возьмите старый или сделайте его из пластилина. Кидайте кубик по очереди. Сколько выпадет очков, на столько делений (кружков) передвигайте свои фишки. Синие кружки вернут вас назад, красные помогут быстрее добраться до цели, где Мурзилка вручит победителю приз — сказочный клубочек.

Здесь нарисована игра «В стране сказок». Кубик возьмите старый или сделайте его из пластилина. Кидайте кубик по очереди. Сколько выпадет очков, на столько делений (кружков) передвигайте свои фишки. Синие кружки вернут вас назад, красные помогут быстрее добраться до цели, где Мурзилка вручит победителю приз — сказочный клубочек.

О БЕШЕНОЙ РЕКЕ И ЛЕТУЧЕЙ ГОРЕ

С. ИВАНОВ

Рис. Л. НИЖНЕГО

В далёком и солнечном Таджикистане жила-была река. Никто кругом не мог сравниться с нею в силе, никто не мог сладить с её башеным нором. Валуны кубарем мчались по той реке, а камни полегче и вовсе плыли по ней, как простые деревяшки.

Рядом с рекою были горы, сплошная стена гор... А за той стеною лежала долина. Земля в ней была очень плодородная. Такие урожаи можно бы растить — ахнешь! Да только там нет ни капли воды!.. Вот как в природе бывает: вода рядом, земля рядом, а посредине стоит стена — и ничего ты не поделаешь!

Но почему же это «ничего»? А если горную стену пробить? Пусть бы вода в долину текла — всем будет хорошо... Да, на словах-то оно очень просто: раз-два, и готово дело. А в настоящей жизни много разных закавык. По-взрослому говоря, «технических трудностей». Что же это за трудности? Ну, перво-наперво — горы. Их, оказывается, не только в высоту измеряют, но и в толщину. Измерили — вышло семь с половиной километров. Вот какой надо тоннель пробивать! Но если даже и пробить тоннель, вода в долину не потечёт, потому что река ниже долины лежит. Ну как бы сказать: река на первом этаже живёт, а долина на втором. А ведь реки вверх течь не умеют.

Как же тут можно выйти из положения? А вот как: заго-

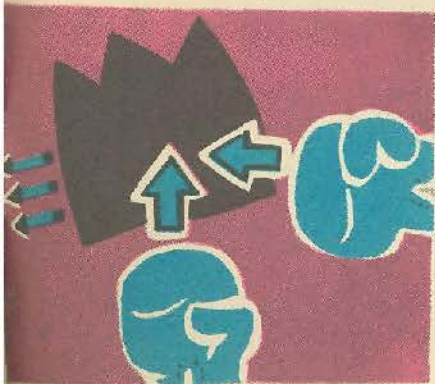
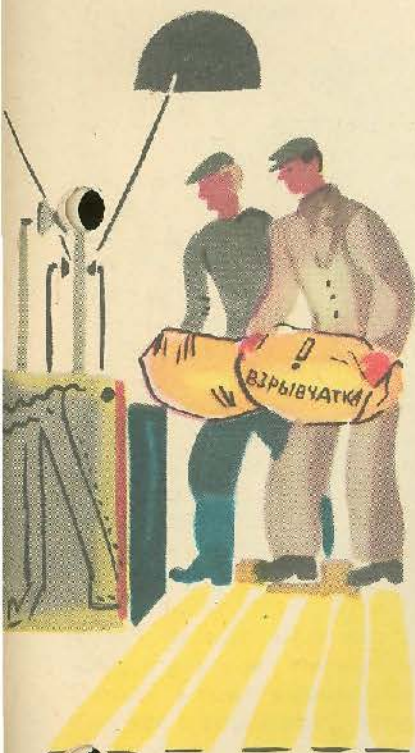
родить реку плотиной. Тогда вода в ней поднимется — с первого этажа переедет на третий. И уж тогда ей легко будет бежать по тоннелю в долину, как нам с вами легко бегать к приятелю с третьего этажа на второй.

Ну вот. Теперь ясно, что надо делать. Во-первых, пробить тоннель в горной стене. Во-вторых, перегородить реку плотиной. На простых-то реках, со спокойным течением, это дело обычное: к берегу подходят самосвалы и сбрасывают в воду тяжёлые камни, бетонные плиты. А сверху сыплют песок, глину. Так постепенно получается плотина. Строители называют её «перемычка». Но с нашей рекой так ничего не выйдет! Она любую глыбу унесёт как пушинку, а песок и глину уж подавно! Наверное, только и можно её остановить, если разом обрушить целую гору. Но гору не свалишь с ног, не заставишь ходить.

ПУТЬ В ДОЛИНУ

Так раньше думали, а теперь нет! Прикинули строители. «Ну что ж, гору так гору... Трудно, конечно, будет. Да ведь надо!»

Но как же, в самом деле, гору с места сдвинуть? Аммонит под неё подложить, что ли? Но ведь от взрыва-то всё разлетается в разные стороны. Это и в кино показывают, и так всякий знает. А нам нуж-

но, чтоб целая гора точнёхонько в реку упала. Не может этого взрыв сделать. Очень уж он недисциплинированный!

И всё-таки, оказывается, может. Потому что теперь человек научился делать такие умные взрывы. Называются они направленными: как их направишь, так они и взорвутся. Весь фокус в том, как заложить взрывчатку, и сколько, и на какую глубину. Да ещё надо учесть, из какой породы сделана гора — из твёрдой или мягкой. Ведь всякие горы бывают — и песчаные и гранитные. Та наша гора, которую взрывать будут, твердым-тверда, вся из камня.

И вот наконец всё изучили, всё до мелочей. Отправили эти сведения в научный институт, и там специалисты разных профессий — а главным образом строительные инженеры — начали составлять проект, то есть подробный план строительства. Прошёл целый год, пока в научном институте готовили необходимые чертежи, графики, таблицы.

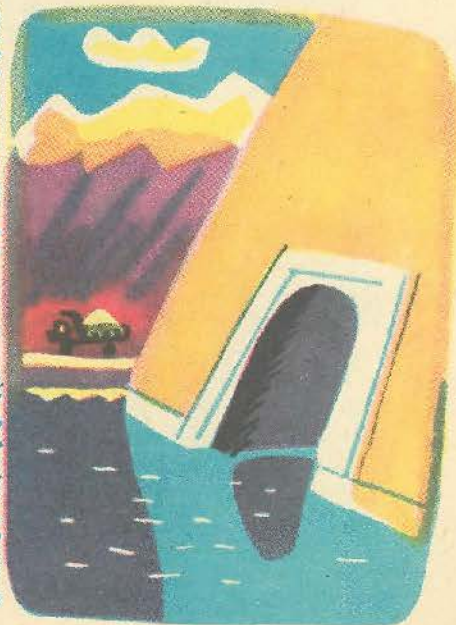
Как-то утром река сквозь собственный рёв и грохот услышала какие-то иные звуки. Скоро на дороге, которая, словно асфальтовая змея, разлеглась между гор, появилась колонна грузовиков. За грузовиками шли, лязгая гусеницами, медленные и мощные бульдозеры, а за бульдозерами — рукастые экскаваторы... Река догадалась, зачем люди привели сюда это стадо железных зверей. «Плотину хотят ставить!» — и она выбросила на берег здоровенный валун.

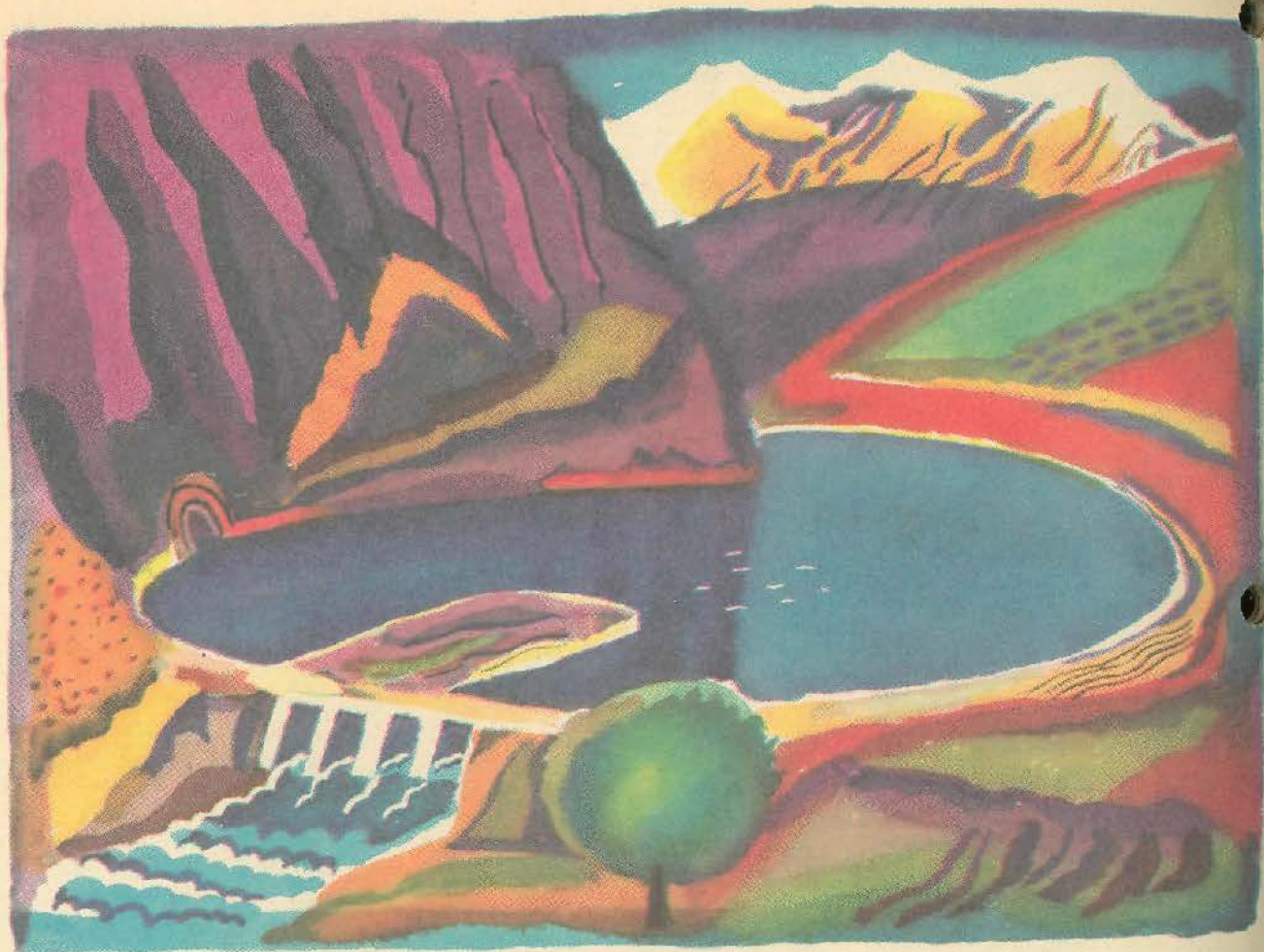
Но строители с рекою не собирались ссориться. Зачем? Такая весёлая, красивая, своя нравная. Пусть себе и дальше гремит по горным ущельям. А люди от неё возьмут только небольшую часть, чтобы оросить засохшую долину... Кто-то спросит: «А почему бы

не взять всю реку? Ещё лучше будет!..» Нет, не будет лучше. Ведь дальше по берегам нашей реки стоят десятки кишлаков, и в каждом живут люди! А вокруг кишлаков поля, им тоже нужна влага. А по горам вдоль реки гуляют отары овец, и стада диких зверей, и растут леса. Без воды они погибнут!.. Обо всём этом помнили и строители и проектировщики. Потому что современная наука дала в руки человеку огромную силу. Он может любую целину вспахать, любую реку с дороги свернуть. Может? Да, может! Но прежде должен крепко подумать, надо ли это делать, хорошо ли оно выйдет...

ПОДГОТОВКА

Вы, наверное, никогда не бывали на больших стройках? На первый взгляд здесь неразбериха ужасная: лязг, скрежет, пыль, духота. Все куда-то бегут, по глазам колотят ослепительные огни электросварки. Простым голосом здесь никто не разговаривает. Чтобы услышать друг друга, приходится кричать во всю глотку... Но

вот осмотришься немного и поймёшь: никакой неразберихи тут нет, а, наоборот, всё складно, чётко. Работают три большие бригады. Первая пробивает в горе тоннель, по которому потом пойдёт вода. Вторая строит водосливные сооружения... вот какое слово непонятное. А на самом деле всё здесь просто. Чтобы вода, когда плотина будет, не лилась как попало через край, надо ей сделать специальный проход. Да выложить всё бетоном для прочности. Да сделать такие штуки вроде ворот, которые нужно прикрывать, когда воды у плотины мало, и открывать, когда слишком много.

Третья бригада готовила

взрыв. Мне кажется, это самое интересное. И об этом я расскажу поподробней. В сером монолите скалы стали пробивать штольни. Штольня — это коридор в глубь скалы. Одни начали высоко, а другие пониже. Так по проекту было задумано. А почему так — об этом ты узнаешь немного попозже.

Трудная работа сквозь скалу прогрызаться. В день по четверть шага считается очень быстро. А всего надо уйти вглубь на 100 метров!.. Однако долго ли, коротко ли, а построены штольни-коридоры. Всё? Нет ещё. В конце каждого коридора надо выдолбить камеру — такое помещение без окон, без дверей, величиною с твою комнату или чуть

побольше. Эти камеры как раз и есть самое главное. Туда заложат взрывчатку, будто могущественного джинна в бутылку упрячут!

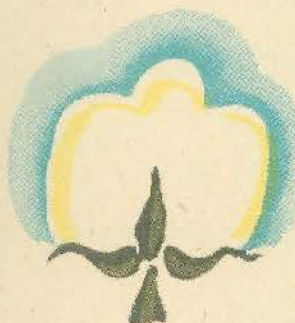
Взрывчатка — могущественный джинн... Интересно, какая она? Да неказистая на вид. Просто беловатый такой порошок. Его из мешков высыпали в специальные насосы и по шлангам гнали в глубь горы, в камеры: сиди, джиннище, тихо до поры до времени!..

А на другом берегу реки к этому времени насыпали целый холм из глины, и в него загодя тоже были запрятаны заряды. От каждого заряда и из штолен, и из глиняного холма тянулись провода. Они ползали за несколько километров отсюда — туда, где располагился штаб взрыва.

И вот последний вечер перед решающим штурмом. На стройке необыкновенная тишина, машины отведены в укрытия, все сооружения спрятались под навесами из толстых брёвен. У реки ни души. Все дороги к ней перекрыты. Никого, ничего, только река беспечно играет камнями, да горы молчат, да тучи гладят их вершины огромными тёмными ладонями.

ВЗРЫВ

Утро! Сейчас начальник взрыва нажмёт на кнопку, и всё пространство над рекою и горами утонет в океане пыли, камней, грохота, темноты. Мы ничего не увидим. А жалко! Там будет очень интересно. Там будет вот как... Начальник нажал кнопку. Быстрее мысли помчалась по проводам искра электрического приказа. И сейчас же страшный взрыв в верхней штольне вырвал из горной стены целую скалу. Она тяжело взлетела и готова была грохнуться наземь. Но почти одновременно с первым

взрывом ухнули ещё два — из штолен, что расположились пониже. Для чего это? А вот представьте себе такую очень обычную картину: берёте вы подушку, подбрасываете слегка её вверх, а потом — раз, два! — бьёте по ней кулаками. И подушка кувырком летит с кровати на диван!.. То же и при взрыве произошло. Едва оторванная скала собралась упасть, как снизу ударили по ней два громадных кулака, два взрыва, два джинна. Скала сделала гигантский шаг. Распадаясь на тысячи осколков, глыб, камней, она упала всею огромной своей массой в реку!

А что же река? Ей это не понравилось — страшнq. Она сейчас же миллионами щупалец-ручeyков бросилась в щели, которые, конечно же, были в каменном теле вдруг возникшей преграды. Река хотела их расширить, хотела размыть. Да не тут-то было! Ахнул новый взрыв. На этот раз в реку огромной тучей полетел глиняный холм с другого берега. Река поперхнулась глиной. Хочет её выбросить, оттолкнуть. И всё плотнее залепляет щели, щёлки, трещины... Так родилась плотина...

И вот разлилось озеро среди гор. Из него как бы вытекают две реки. Одна по бетонному водосливу мчит в старое русло — скакать, прыгать, гонять валуны. А другая, поменьше, уходит в гору, в темноту тоннеля. Её пьёт не напьётся долина. Там теперь хлопковые поля. Да какие! В конце лета всё белым-бело. Словно занесло в эту жару кушочек зимы...

Вот так и совершилось это хорошее чудо: своенравная река стала добрее, гора научилась летать, пустыня зацвела, а мы с тобою получили по новой рубашке... Да-да! Наши с тобой новые рубашки из того самого хлопка!..

ЧАША БАБУШКИ МУКМИНАТ

Ахмед УСТАРХАНОВ

Рис. В. ДМИТРИЮКА

У мальчика Рашида была бабушка, которую звали Мукминат. Она была хромая и строгая, ходила всегда с палкой и грозно этой палкой помахивала.

Однажды бабушка пришла в школу.

— Здравствуйте, почтеннейшая Мукминат, — сказал учитель. — По какому важному вопросу пришли вы в наше учебное заведение?

— Я хочу посмотреть школьный музей.

— Пожалуйста, — ответил учитель.

В школьном музее собраны были исторические вещи — кривые сабли, шлемы, старинная посуда. Среди всех этих вещей стояла большая белая чаша.

— Так вот где она! — сказала Мукминат. — Я давно её ишу! Это моя чаша.

— Пожалуйста, возьмите её, — смутился учитель.

Бабушка Мукминат схватила чашу и ушла, грозно помахивая палкой.

— Зачем ты притащил в музей эту ча-

шу? — приставали к Рашиду ребята. — Ведь она совсем новая, исторической ценности не имеет.

— Это моё дело, — отвечал Рашид.

Прошёл месяц, и вот весной ребята разыскали старинный медный светильник, отнесли его в музей и поставили на то место, где стояла чаша бабушки Мукминат. Они вспомнили про эту историю и опять стали приставать к Рашиду: расскажи.

— Дело вот в чём, — сказал Рашид. — Когда к нам в гости приходил Нариман, бабушка всегда наливала мне суп в эту чашу, а ему в маленькую тарелку. «Ты, Нариман, наверно, дома поел», — говорила она. Я и решил отнести эту чашу в музей.

— Так вот в чём дело! — удивился учитель. — Оказывается, вместе с чашей Рашид решил сдать в музей жадность!

— А где сейчас чаша? — спрашивали ребята.

— Она разбилась, — ответил Рашид.

Перевёл с кумыкского Ю. КОЛЫБИН

ЖАДНЫЙ

Л. СЕРГЕЕВ

Все считали меня добрым, а на самом деле я был жадный.

Мне, например, было жалко давать свои вещи, даже пустяковые, даже если эти вещи мне были не нужны: раз они кому-нибудь понадобились, значит и мне могли пригодиться.

Однажды ко мне подошёл Вовка.

— У тебя есть «Королевские пираты», — говорит. — Дай почитать?!

— Не могу, — говорю. — Сам читаю.

— Когда прочитаешь, дашь? — спросил Вовка.

— Да, — сказал я.

Потом ко мне подошли Петька с Генкой. Петька попросил краски, а Генка бинокль.

— Не могу дать, — сказал я Петьке. — Сегодня самому надо рисовать.

Потом повернулся к Генке:

— Вечером сам хочу посмотреть...

Через два дня Вовка встречается меня и говорит:

— Прочитал?

— Что? — спрашиваю.

— «Королевские пираты»?!

— А-а! — вспомнил я. — Нет. Ещё только половину. Я медленно читаю. Внимательно. Каждую страницу. Не как некоторые, с пятой на десятую.

— Ну ладно! — вздохнул Вовка. — Подожду ещё.

В тот же день ко мне подошёл Петька.

— Сегодня дашь? — спрашивает.

— Нет, не могу, — говорю. — Сам... читаю!..

— Что читаешь?.. — удивился Петька.

— Книгу.

— Да я у тебя краски просил...

— Ах да! — спохватился я. — Рисую ещё, рисую.

Немного погодя я встретил Генку.

— Ну как? — спрашивает он. — Сейчас дашь?

— Нет, нет! — говорю. — Сам читаю!.. То есть рисую!.. То есть смотрю!..

— Да мне и не надо! — усмехнулся Генка. — Я просто так спросил. Мне уже отец купил новенький. Могу дать посмотреть.

Он повернулся и пошёл, а я покраснел.

Какая бывает роса на траве

Лев ТОЛСТОЙ

Когда в солнечное утро летом пойдёшь в лес, то на полях, в траве, видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и жёлтым, и красным, и синим.

Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листьях травы и блестят на солнце.

Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат. И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неосторожно сорвёшь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнёт мимо стебля.

Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

Л. САНДЛЕР
 На лесной полянке
 Я всё утро рос —
 Под напев зорянки,
 Говорок берёз.
 И шептали сосны
 Ветру про меня:
 — Быстро стал
 Он взрослым —
 Не прошло и дня.
 (9 и d j)

ОТВЕТ НА ЗАГАДКУ НА СТРАНИЦЕ 32.

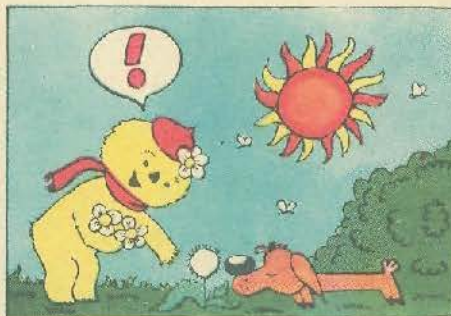
Дуб — год, в году двенадцать месяцев-гнезд,
 в месяце — четыре недели (птички), в неделе семь
 суток (чёрное яйцо — ночь, белое — день).

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРЗИЛКИ

Маша и Мурзилка гуляли.

— Удивительный цветок!

— Как он называется?

СЛЕДЫ

Шёл дождь
 Весь день
 И шёл
 Всю ночь,
 И лишь к утру
 Ушёл он прочь.
 Остались на земле
 Следы,
 Доверху полные
 Воды.

И. ПИВОВАРОВА

Рисунки

Е. ГОЛЬДИНА,
 В. ИВАНОВА,
 Н. ХОЛЕНДРО

Ирина ШКАРОВСКАЯ

„ЗАПРАВИЛСЯ“

Подарила бабушка Феде велосипед. Он так обрадовался, что даже «спасибо» забыл сказать. Схватил подарок и давай кататься перед домом.

Бабушка полюбиовалась внуком и говорит:

— А теперь отнесём велосипед домой и пойдём в магазин за хлебом.

— Я на велосипеде поведу. А ты пешком иди!

— Только, пожалуйста, не спеши, — попросила бабушка. — Ноги у меня болят, быстро идти не могу.

Нажал Федя на педали и помчался. Бежит за ним бабушка, вспотела, раскраснелась.

— Ты почему так медленно? — кричит Федя. — Быстрее иди! У меня бензин кончается! Еду заправляться!

Оглянулся — нет бабушки! Стоит Федя на незнакомой улице. Страшно ему стало, заплакал и стал бабушку звать. А она не отвечает. Вот так «заправился» Федя.

Перевела с украинского В. ВЕДЕРНИКОВА

В ЛЕСУ

Иду это я и несу —

Что бы вы думали? —

Новую корзину.

И вдруг напал на меня в лесу —

Кто бы вы думали? —

Куст малины.

Как начал, как начал в меня бросать —

Чем бы вы думали? —

Чем-то душистым, сладким и алым.

Пришлось мне ртом ловить и глотать.

Почему бы вы думали? —

Да просто рук не хватало!

Н. МЕРЕЖНИКОВ

Помоги волшебнику найти восемь бабочек.

— Сейчас узнаешь...

— Фу-у-у!

Так это же одуванчики!

ЗАГАДА

Стоит

дуб,
на дубу
двенадцать
гнезд,

каждом
гнезде
по четыре
синицы,

У каждой синицы
по четырнадцать яиц:
семь беленьких
да семь чёрненьких

Рис. В. ЧЕФРАНОВА

Рисунок на обложке В. ПИВОВАРОВА

Редактор А. МИТЯЕВ

Цена 10 коп.
Редколлегия: З. Александрова, С. Алексеев, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), Ю. Назаров, М. Норшунов, Ю. Молочанов, Н. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачев, Л. Цыганкова, В. Чижиков.
Художественный редактор Г. Макавеева
Технический редактор В. Агеева

Сдано в набор 11/IV 1972 г. Подписано и печати 25/IV 1972 г. Формат 84×108/16. Печ. л. 2 (усл. 3,86). Уч.-изд. л. 4. Тираж 5 600 000 экз. Цена 10 коп. Заказ 585.
Адрес редакции, издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030, Москва, А-30, Суздальская, 21. Телефон 250-45-08.

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Индекс 70553